

ТII - 23

ТБИЛИССКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

ТАТИШВИЛИ Ирина Михайловна

УДК 9/394.55/

ХАТТСКО-ХЕТТСКИЕ СТРОИТЕЛЬНЫЕ
РИТУАЛЫ

Специальность 07.00.03 - Всеобщая история

А в т о р е ф е р а т

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических
наук

Тбилиси - 1988

Работа выполнена в отделе древней истории Института истории, археологии и этнографии им. И.А.Джавахишвили АН ГССР.

Научный руководитель - доктор исторических наук
член-корреспондент АН ГССР
Гиоргадзе Г.Г.

Официальные оппоненты: доктор исторических наук
Ардзинба В.Г.
доктор филологических наук
Кикнадзе З.Г.

Ведущая организация - Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова.

Защита диссертации состоится " 30 " ноября 1988 г.
в _____ ч. на заседании специализированного совета Д 057.03.15
по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности "Всеобщая история" при Тбилисском ордена Трудового Красного Знамени государственном университете по адресу: 380028, г.Тбилиси, пр.Чавчавадзе № 1.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ТГУ.

Автореферат разослан " 28 " октября 1988 г.

Ученый секретарь
специализированного совета,
доктор исторических наук,
профессор

К.А.Амткелашвили

К.Д.Антадзе

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования культурного наследия прошлого - несомненна. В советской исторической науке всегда уделялось большое внимание изучению истории и культуры древнейших цивилизаций Востока. Среди отраслей науки о древнем Востоке особое место в последнее время заняла хеттология.

Хеттология - наука сравнительно молодая. Годом ее рождения считается 1915, когда выдающийся чешский востоковед - Б. Грозный смог дешифровать язык клинописных табличек, обнаруженных в Малой Азии в турецком селении Богазкее (в 150 км восточнее Анкары, где была расположена столица Хеттского государства - Хаттуса) и установить его принадлежность к индоевропейским языкам.

Археологические раскопки, начатые в Богазкее в 1906 - 1912 гг. под руководством Г.Винклера, продолжались в последующие годы. Они ведутся и по сей день, все новыми и новыми клинописными текстами пополняя Богазкейский архив. Среди клинописных табличек, кроме хеттских, были выявлены и тексты, составленные на языках, близкородственных хеттскому, объединенных под названием "анатолийские языки". Это - лувийский и палайский. Были выявлены и другие языки древней Передней Азии (шумерский, аккадский, хурритский). Среди неиндоевропейских языков, засвидетельствованных в древней Малой Азии, особого внимания заслуживает хаттский (протохеттский, по-хетт. *hattili*). На этом языке говорили древнейшие жители центральной части Анатолийского плоскогорья. Хаттский язык оказал сильное влияние на хеттский и палайский языки, которые независимо друг от друга наложились на хаттский субстрат. Сохранению хаттско-

го языка мы обязаны хеттам, письменно зафиксировавшим его и испытавшим "сильное влияние культуры и языка предшествовавшего им народа, значительно превосходившего их в культурном отношении"¹.

Изучение хеттской цивилизации за последние годы значительно продвинулось вперед. Открываются все новые ее черты. Однако многое до сих пор остается неясным и скрытым от исследователей. Для воссоздания более или менее полной картины жизни населения Анатолии II тыс. до н.э., для изучения вопросов истории, религии и культуры Анатолии — одного из древнейших очагов цивилизации — особого интереса заслуживают тексты религиозного содержания, составляющие основную массу хеттских клинописных памятников Богазкейского архива. Среди них особое место занимают разные ритуалы — основной источник исследования религии хеттов. Они представляют собой также основной источник для выяснения доли наследства хаттов в хеттской цивилизации, так как именно в сфере религии и культа хаттское влияние на хеттов было наиболее сильным. Все это определяет актуальность представленной нами диссертационной работы, в основе которой лежит изучение строительных ритуалов, составляющих одну из многочисленных групп хаттско-хеттских ритуалов, весьма многообразных по содержанию.

Цель и задачи исследования. Целью настоящей диссертационной работы является монографическое исследование хаттско-хеттских строительных ритуалов как источника для изучения истории, религии и культуры хеттов.

Для достижения указанной цели в работе ставятся следующие

¹ Камменхубер А. Хаттский язык. — Древние языки Малой Азии. — М., 1980, с.23.

щие задачи: уточнение транслитераций и переводов текстов и рассмотрение вопросов, поставленных на основе этих же текстов. Это вопросы, касающиеся выяснения содержания отдельных строительных терминов, исполнителей и участников ритуалов, богов и объектов культа, состава жертвы и процедурных моментов жертвоприношения, соотношения объекта строительства с объектом ритуала и др. Рассмотрение указанных вопросов дает более или менее полную информацию о проведении строительных ритуалов, об их происхождении, структуре и назначении, относительно их роли в религиозной жизни хеттов.

Методология исследования. Общей методологической основой исследования являются положения классиков марксизма-ленинизма о истории, религии и культуре древних обществ.

Практическая ценность работы заключается в том, что результаты исследования могут быть полезны при разработке разных вопросов древней истории и культуры Малой Азии. Они могут быть использованы в ВУЗ-ах при преподавании специальных курсов по истории древнейших религий мира, а также при чтении курса лекций по истории Древнего Востока, в частности, по истории хеттского общества и при составлении хрестоматий по истории Древнего Востока.

Научная новизна исследования состоит в том, что хаттско-хеттские строительные ритуалы еще не рассматривались хеттологами монографически, с детальным привлечением всех доступных данных хеттских клинописных текстов. Транслитерация и перевод некоторых текстов и фрагментов даются впервые, предложена новая интерпретация отдельных спорных мест хеттских текстов и т.д.

Источники и литература. Источниковедческую базу диссер-

тационной работы составляют клинописные тексты Богазкейского архива, опубликованные в автографиях в двух основных сериях KBo и KUB (KUB П 2, 4I2/6, KUB XXIX I, KBo IV I, XV 24, KUB IX 2). Среди них один неопубликованный текст, обозначенный инвентарным номером одного из фрагментов текста - 4I2/6.

Кроме рассматриваемых шести текстов и их дубликатов, описывающих хаттско-хеттские строительные ритуалы, при анализе отдельных вопросов в работе используются также данные других хеттских текстов, преимущественно ритуально-культового содержания.

Исследуемые нами тексты, привлекая со времени их издания внимание хеттологов, были введены в научный оборот и использованы специалистами при рассмотрении проблем религии и культуры древней Малой Азии, хаттской грамматики и т.д. Необходимо отметить труды Э.Лароша, А.Камменхубер, В.Г.Ардзинба, А.Арки, М.Пошко, Я.Зигеловой. Существуют отдельные издания текстов¹. Эти работы и издания текстов использованы в представленной диссертационной работе при разработке темы.

Апробация работы. Основные результаты исследования докладывались на семинарах Отдела древней истории Института истории, археологии и этнографии им.И.Джавахишвили АН ГССР, на научной сессии молодых научных работников указанного института (Тбилиси, 1987), на Всесоюзной научно-методической

¹ См. напр., новейшие издания текстов, принадлежащие Г.-З.

Шустеру и М.Ф.Карини (Schuster H.-S.; Die hattisch-hethitischen Bilinguen, I. Einleitung, Texte und Kommentar, Teil I. - Leiden, 1974; Carini M.F. Il rituale di fondazione KUB XXIX I. Ipotesi intorno alla nozione etea arcaica della regalita. - Athenaeum, 1982, 60. С. 483-520).

конференции (Даугавпилс, 1985). Диссертация обсуждена на заседании Отдела древней истории Института истории, археологии и этнографии им.И.Джавахишвили, а также на заседании Кафедры всеобщей истории Тбилисского государственного университета, и рекомендована к защите. Основные положения диссертации изложены в шести публикациях.

П. СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Диссертация состоит из введения, двух глав и заключения.

Во введении обосновывается актуальность темы, определяются цель, задачи и методологическая основа исследования, а также дается краткий обзор источников и литературы.

Первая глава посвящена хаттско-хеттским ритуалам постройки дворца (KUB П 2 +, 4I2/6, KUB XXIX I). Она состоит из двух частей.

Первая часть содержит транслитерации и переводы текстов с комментариями.

Описанный в хаттско-хеттской билингве KUB П 2 ритуал исполнялся жрецом бога Цилипури при установке засова в новом дворце. Полностью полагаясь на Г.-З.Шустера, издавшего текст, в интерпретации хаттской части билингвы, в нашей работе дан перевод лишь хеттского текста. Транслитерация хаттско-хеттского текста приведена полностью с учетом данных дубликата текста KBo XIX 162, опубликованного после завершения Г.-З. Шустером рукописи его работы.

Содержание неопубликованной фрагментарной хаттско-хеттской билингвы 4I2/6, представляющей собой описание ритуала постройки дворца, дано на основании транслитерации и переводов отдельных контекстов, приведенных исследователями при рассмотрении

вопросов хаттской грамматики.

Описанный в хеттском архаическом тексте KUB XXIX I ритуал исполнялся при постройке нового дворца. Текст содержит описание ритуальной установки очага (III 37 - IV 29).

Во второй части первой главы, на основе данных текстов, рассматриваются следующие вопросы: объект строительства, персонал, боги и объекты культа, жертвоприношение, назначение.

Объектом строительства во всех трех ритуалах, рассматриваемых в указанной главе, был дворец. Один из них (4I2/4) проводился во время закладки фундамента, другой (KUB II 2) - при установке засова в новом дворце. Что же касается ритуала KUB XXIX I, то он исполнялся на заключительных этапах строительства, а именно при перекрытии и штукатурке здания. О них говорится в начальных строках текста, а также в конце той части текста, в которой дано описание собственно ритуала строительства дворца. За ним следует описание ритуальной установки очага, которая также может рассматриваться как один из этапов строительства.

Персонал. Исполнителем ритуала KUB II 2 был жрец бога Цилипури - цилипурияталла. Он же произносил ритуальные слова по-хаттски. Другой хаттский ритуал 4I2/4 исполнялся служителем культа, обозначенным термином ¹akuttara "кравчий". Он, также как и цилипурияталла, должен был произнести мифологический текст, включенный в ритуал, в котором рассказывается о мифическом прототипе строительства, т.е. о постройке храма богам. Участники ритуала в тексте KUB XXIX I упомянуты в связи с описанием разных ритуальных действий. Иной раз неясно, кто исполнял то или иное действие или произносил ритуальные слова. Участниками ритуала являются: мойщики переднего двора, "госпо-

да дома" - царь и царица, "жены" (царя), ²rahhuaršeš, "дочери дома", ³raḫḫanikneš.

Боги и объекты культа. Во всех трех ритуалах постройке дворца представлены верховные божества хаттско-хеттского пантеона. Это божества Грозы и Солнца. Лишь в тексте 4I2/4 они встречаются под хаттскими именами Тару и Эстан. Внимания заслуживает упоминание божества Солнца. В тексте KUB XXIX I везде, за одним исключением (III 23), это бог Солнца, а в заключительной части текста KUB II 2 - богиня Солнца г.Аринны. Ее упоминание в архаическом тексте KUB XXIX I III 23 А.Камменхубер считает ошибкой писца, спутавшего ее с богом Солнца¹. Однако, нельзя быть уверенным в том, что это ошибка или инновация. Достаточно убедительным выглядит мнение О.Р.Гэрни, поддержанное Г.Бэкманом, относительно того, что культ божества Солнца был издревле связан с г.Аринной и, что собственное имя этого божества - Эстан².

Посланником верховных божеств в тексте KUB II 2 выступает хаттский бог Цилипури. Он, в качестве посредника между богами и царем, совершал жертвоприношение богам. Божеством, охраняющим царский дом, назван хаттский бог Шулинкатте (в хаттской части билингвы бог Угур, т.е. Нергал). Он был призван защищать дом от зла. Со словами, обращенными, должно быть, к царю (III 58) он должен был принять царя в свою обитель.

¹ Kammenhuber A. Die hethitischen Vorstellungen von Seele und Leib, Herz und Leibesinnerem, Kopf und Person. - ZA, 1965, 23/57. С. 177-222.

² Beckman G. Rez.: Gurney O.R. Some Aspects of Hittite Religion. - London, 1977. - Journal of Near Eastern Studies, 1982, 41/1. С. 76-78.

Из богов, упомянутых в тексте KUB XXIX I, особое внимание уделено богине Халмасуитте — обожествленному Трону, представленному чем-то вроде божественного курьера, направленного богами на землю для исполнения конкретной миссии. В работе показан образ очага как объекта жертвоприношения, как активного участника ритуала и личного, охраняющего божества царской семьи, заботящегося об ее благополучии и размножении.

Жертвоприношение. Из терминов, прямо указывающих на жертвоприношение, в текстах, рассмотренных в данной главе, засвидетельствован лишь *širant-* "приносить в жертву". Однако, косвенно на акт жертвоприношения указывают формулы: "Из дворца берут...", "кладут на (у, перед) объект культа", "божества брали себе...", которые в определенных контекстах несут эту смысловую нагрузку. С этой точки зрения, рассмотрены отдельные места текстов.

Прямое указание на жертвоприношение в связи с установкой засова в новом дворце дано лишь в конце текста (KUB П 2 IV 16-23), где поименно упомянуты божества и указано также на то, что следовало приносить в жертву тому или иному божеству.

Описанные в тексте KUB XXIX I жертвоприношения совершались на важных этапах строительства. Наиболее многообразен жертвенный материал, который помещался в очаг. Кроме животных (овцы), алкогольных напитков (вино, марнува) и пищевых продуктов (хлеб, жир, мед, сыр, сычуг, молоко, зерно, кунжут, сушеный виноград, соль, крупа), жертва включала также и шерсть (белую, черную), растения, бычью шкуру, а также предметы неизвестного назначения (*taḫḫan-*, *šabūca-*). Семантическое поле данного набора жертвенных предметов включает прежде всего идеи богатства, плодородия (воспроизводства) и

благополучия.

Назначение. Жертвоприношения, исполняемые на наиболее важных этапах строительства дворца, совершались, как и ритуалы в целом, очевидно, с целью обеспечить прочность постройки, а также благосостояние царя как будущего жителя строящегося дворца.

Архаичный хеттский ритуал KUB XXIX I был направлен на то, чтобы боги (бог Солнца и бог Грозы) вновь вручили царю страну, врученную ими же царю когда-то. Воздвижение нового дворца содержало символику обновления царя и царской власти, сам же нововоздвигнутый дворец символизировал обновленного, вновь наполненного силами царя. Назначение ритуала раскрывается многочисленными символами и магическими действиями, описанными в тексте. Возможно, такое "обновление" дворца носило регулярный характер и ритуал проводился ежегодно, являясь составной частью большого Новогоднего праздничного ритуала^I.

С упомянутым ритуалом сходен, по своему назначению, хеттский ритуал установки засова в новом дворце (KUB П 2). Цель мифологического повествования, вставленного в ритуал, как и самого ритуала, состояла, должно быть, в сохранении установленного богами в Хаттусе порядка, т.е. царского престола, потомства и благосостояния их ставленнику на земле. Что же касается нового дворца, в котором устанавливали засов, то он, может быть, содержал ту же символику, что и в упомянутом выше тексте KUB XXIX I. Сопоставление дворца с царем, во всяком случае, представляется возможным.

^I См. Haas V. *Magie und Mythen im Reich der Hethiter*. Hamburg, 1977, с. 109.

С некоторой натяжкой можно предполагать, что новый дворец, при строительстве которого исполнялся другой хаттский ритуал (4I2/ε), включал ту же символику и, что он, следовательно, ставил ту же цель, что и вышеуказанные ритуалы, хотя фрагментарный текст не дает достаточных оснований для подобных суждений. Интерес представляет то, что во всех этих трех текстах строительных ритуалов (КВВ XXIX I, II 2, 4I2/ε) слову "дворец" предшествует эпитет "новый".

Вторая глава посвящена хеттским ритуалам, совершающимся при воздвижении храма (КВВ IV I, XV 24 +, КВВ IX 2).

Первая часть второй главы содержит транслитерации и переводы текстов с комментариями.

В тексте КВВ IV I описывается ритуал, который исполнялся при закладке фундамента храма. Текст содержит 79 строк, сохранных полностью.

Текст КВВ XV 24 + посвящается описанию ритуала, который, предположительно, проводился при закладке храма. Текст, который был довольно пространым, к сожалению, сильно поврежден (от начальной части таблички сохранились лишь окончания строк, отдельные слова и знаки; потерян конец с колофоном, где обычно дается название таблички и формулировка цели ритуала). Наряду с некоторыми трудностями филологического характера, это создает дополнительные трудности при интерпретации текста. Поврежденные места восстановлены на основании дубликатов КВВ XIII II4 и КВВ XXIV IO9. Сохранился также фрагментарный текст КВВ XXXII I37 (считающийся дополнением рассматриваемого основного текста), перевод и транслитерация которого приведены в данной работе.

Текст хеттского строительного ритуала КВВ IX 2 сильно по-

врежден. Сохранились лишь I столбец лицевой стороны таблички и IV столбец на оборотной стороне. Стломан также конец таблички, вмещающий около 12 строк.

Во второй части второй главы, на основании данных текстов, рассматриваются следующие вопросы: объект строительства, персонал, боги и объекты культа, жертвоприношение, географические названия, назначение.

Объектом строительства в ритуалах, рассматриваемых в данной главе, является храм.

В тексте КВВ IX 2 описывается ритуал обновления храма Хепат. Исходя из начальных строк I 3 и сл., согласно которым, жертвенный материал помещали вовнутрь, т.е. скорее всего в фундамент, под "обновлением" следует понимать не ремонт, а полную перестройку здания, постройку его от основания. Обновление, по-видимому, предполагало воздвижение фактически новой постройки на месте старой. В этом отношении, представляет интерес сравнение указанного ритуала с ритуалом закладки фундамента храма (КВВ IV I). В вводной строке, в которой определена цель проведения ритуала, воздвижению новых домов (=храмов) "в другом месте" по смыслу противопоставляется отстройка дома (=храма) на том же самом месте, т.е. очевидно, постройка храма на месте старого здания. И что характерно, речь идет о закладке фундамента, т.е. о постройке от основания. Эти два ритуала уже могут указывать на стремление хеттов к воздвижению новых культовых сооружений на месте старых, что, видимо, понималось как обновление старых построек.

Говоря об объекте описанного в тексте КВВ XV 24+ строительства, прежде всего, следует заметить, что само название ритуала "строительный", в некоторой степени, условно, так как

в сохранившейся части текста нет прямого указания на строительство. Лишь основываясь на том, что среди других божеств, которым посвящались совершаемые во время ритуала жертвоприношения, упоминается и богиня Нин-э-му-ун-ду - "Госпожа, (которая) построила дом" - можно заключить, что указанный ритуал исполнялся в связи со строительством. Что же касается объекта строительства, то, судя по содержанию, это, по-видимому, храм. По описанным же в тексте действиям, можно судить о том, что речь идет о начальной стадии строительства - закладке фундамента.

Персонал. Кто исполнял ритуалы, описанные в текстах КВо IV I и КВВ IX 2, неясно. Ритуальные действия, переданы в основном глаголами в III лице множественного числа. Однако в тексте КВо IV I одно лицо все-таки выделяется. Им и совершались, очевидно, самые значимые ритуальные действия, связанные с сакральными местами в храме. Не говоря уже о том, что само участие в ритуале закладки фундамента храма могло быть почетной функцией. Он же произносил ритуальные слова и, что самое главное, непосредственно мог общаться с богами, являясь своего рода посредником между "господином жертвы", т.е. царем и богами. В указанном тексте упоминается плотник, выступающий в качестве участника строительства. Относительно его функций в ритуале в тексте ничего не говорится.

Из многочисленного персонала, участвующего в ритуале КВо XV 24 +, в сохранившихся фрагментах текста упоминаются не все. Трудно определить, кем выполнялись те или иные действия.

Боги и объекты культа. В ритуалах, посвященных постройке храма, рядом с местным богом Телипику, встречаются божества хуррито-месопотамского круга.

Из богов и богинь, принимавших активное участие в строительстве, в тексте КВо IV I поименно упомянуты божества За и Телипику. Храм воздвигался на благо богов с их благословения. Однако, строящийся храм мог принадлежать одному богу, будущему обитателю этого храма. По косвенным данным, им мог быть Тесуп (хурр. Тешуб), представленный в ритуале культовыми символами (две пары железных быков, запряженных в серебряное ярмо). Сделана попытка идентификации золотой статуэтки льва, упомянутого в тексте рядом с фигурками быков. Совладельцем предположительного "хозяина" храма - Тесупа вполне могла быть богиня Хепат, образ которой был связан со львом. Не исключено и то, что изображение льва представляло самого царя.

В тексте КВо XV 24 + упомянуты следующие божества: За, Иштар, Хепат и богиня "Госпожа, (которая) построила дом". Здесь, как и в вышеупомянутом тексте, фигурка быка, по-видимому, олицетворяет бога Тесупа, на имя которого строился храм. Из богов особого внимания заслуживает богиня Нин-э-му-ун-ду - "Госпожа, (которая) построила дом". Она в тексте представлена четырьмя бронзовыми статуэтками, которые клали в четыре угла здания, точнее фундамента. Это божество нигде не засвидетельствовано, кроме данного текста. Название, составленное из шумерских слов, возможно, является не именем собственным, а эпитетом, данным божеству, в связи с его строительной функцией.

Заслуживающими внимания являются элементы конструкции и обстановки культового помещения, представляющие собой объекты культа. В тексте КВо IV I это куракки, жертвенник, очаг, дверь, ворота, фундамент, а в тексте КВо XV 24 - сархули, алтарь, "место", трон, жертвенный стол и др.

Жертвоприношение в честь богов и культовых объектов, сог-

ласно тексту КВо XV 24+, совершалось по этапам. Начало выделяемых этапов в тексте отмечается перечнем жертвенного материала. За ним следует описание собственно жертвоприношений и магических действий. Текст богат терминами, обозначающими жертвоприношения и возлияния.

В сохранившейся части текста КВВ IX 2 содержится описание жертвоприношения по поводу обновления храма богини Хепат. Жертвоприношения длились несколько дней, по крайней мере, два дня. Это единственный случай в строительном ритуале, когда действия распределены по дням.

Прямого указания на жертвоприношение в тексте КВо IV I не содержится. Однако, помещаемые в землю, под фундамент медь, молоток, колышки, а также золото, которое "дорого богам", по-видимому, следует рассматривать как жертву, приносимую по поводу строительства.

Географические названия. В тексте КВо IV I указаны места, откуда был привезен нужный для ритуала материал (Ширундуммея, Кйзза (?), Такнира, Каниска, Аласия, Таггата, Элам). Кроме Элама и Аласии (Кипра), местоположение остальных географических пунктов с точностью не установлено.

Назначение. По своему назначению, с вышерассмотренными хаттско-хеттскими строительными ритуалами, перекликается и новый хеттский ритуал, совершающийся при строительстве храма (КВо IV I). Исходя из текста (лиц.стор., I4 и сл., 45-46), можно заключить, что ритуал был направлен на обеспечение царю владычества в стране Хатти и царского престола, а также потомства в будущем. Однако, в этом случае, само возведение постройки может расцениваться как акт жертвоприношения, а царь - строитель как приносящий жертву.

В противоположность вышеуказанным ритуалам, в ритуалах постройки храма (КВо XV 24 +, КВВ IX 2), на передний план выдвигается сам факт строительства. Более простые по композиции (что уже указывает на их сравнительно позднее происхождение), без каких-либо мифологических вставок, они, по-видимому, были направлены лишь на обеспечение благосклонности богов к постройке, охранности самой постройки.

В заключении подводятся основные итоги проведенного исследования, обобщаются выводы, сделанные в процессе анализа текстов хаттско-хеттских строительных ритуалов.

На основании данных текстов хаттско-хеттских строительных ритуалов, наблюдается некоторая закономерность в употреблении идеограммы É "дом". В ритуалах воздвижения дворца здание, строительству которого посвящается ритуал, или постройка, в которой устанавливали засов обозначается идеограммой É.GAL. В описаниях же собственно ритуальных действий и в мифологических контекстах встречаем É/parn-, наряду с LV6AL-уаš É/parn- "дом царя". Такое различие в употреблении É и É.GAL, думается, не должно быть случайным, что позволяет нам отделить объект строительства (É.GAL) от объекта ритуала (É), который и есть, наверное, самая значительная часть дворца. В тексте КВВ II 2 это, должно быть, огражденное четырьмя стенами пространство, охраняемое богом (III 34, 44), а в тексте КВВ XXIX I это помещение, стены которого соответственными ритуальными действиями покрывали штукатуркой и где, по-видимому, устанавливали очаг. Трудно сказать, о какой именно части дворца может идти речь. Возможно, это жилище покоя царя, противопоставленные официальной части дворца. А возможно также, что подразумевается культовое помещение внутри дворца. Такое пред-

положение можно подтвердить мнением археологов относительно культового назначения некоторых построек дворцового комплекса Бююккале¹.

Если в вышеупомянутых ритуалах воздвижения дворца (КВВ XXIX I, КВВ II 2) $\dot{\epsilon}$ противопоставляется $\dot{\epsilon}.6AL$ как объект ритуала объекту строительства, то в ритуале воздвижения храма (КВо IV I) наоборот — $\dot{\epsilon}$ обозначает объект строительства, упомянутый в вводной строке. Собственно в ритуальной части текста везде, за одним исключением ($\dot{\epsilon}^{VI.A}$ — I 14), идеограмму $\dot{\epsilon}$ заменяет $\dot{\epsilon}.DINGIR$. Складывается впечатление, что и здесь ритуал охватывал не весь храм, а какое-то пространство (помещение), отделенное своей значимостью от других частей (или помещений) постройки. Таким образом, мы склонны думать, что $\dot{\epsilon}.DINGIR$ обозначает здесь наиболее священную часть храма, главное культовое помещение с культовыми символами божеств. Культовое помещение, сокровенное место в "доме", охраняемое от злого знамения чужого божества и являющееся в то же самое время "местом ритуала" ($A\dot{\epsilon}AR SISKUR$) в дополнении к тексту КВо XV 24 — КВВ XXXII I 37 II 8, II обозначается термином $pa-da$ $pa-na\dot{\epsilon}$ ("место дома").

Контексты интересующих нас описаний хаттско-хеттских строительных ритуалов, в которых те или иные части строящегося здания упомянуты в связи с магическими или культовыми действиями, все же небезынтересны для изучения хеттских строительных терминов, а в конечном счете для воссоздания конструкции или об-

¹ См. ссылки на К.Биттеля и П.Наве у Г.Г.Гутербока (Güterbock H.G. The Hittite Temple According to Written Sources. RAI XX, с.127). См. также Маккуин Дж.Г., Хетты и их современники в Малой Азии, М., 1983, с.75.

становки строящегося здания.

Ритуальные действия, описанные в тексте КВо IV I лиц. стор. 8-10 и совершаемые на месте куракки ("столб, колонна"), должны указывать, как нам кажется, не только на культовую значимость куракки. Может быть, куракки являлся важным конструктивным элементом постройки. В рытье земли (хотя и описанном в ритуальном контексте) "в центре, на месте куракки", т.е. там, где должен был находиться куракки, очевидно, по окончании строительства можно видеть закладку основания элемента опорной конструкции помещения, производимую одновременно с закладкой фундамента постройки. Размеры главных культовых помещений в зданиях храмов, раскопанных в Богазкее дают нам право предполагать существование опорного столба в центре помещений¹. Сравнение данных текстов строительных ритуалов (КВо IV I и КВо XV 24 +) указывает на сходность культовых функций сархули и куракки, а именно на то, что оба этих объекта являлись местом, куда помещались во время ритуала культовые символы божеств. Совпадает и местонахождение куракки и сархули: один из куракки, согласно КВо IV I, и сархули, по КВо XV 24, находились в центре помещений. Думается, проведенная аналогия, в некоторой степени, подтверждает высказанное Г.Оттеном мнение относительно тождества сархули и куракки, обоснованного соответствием обоих этих терминов с идеограммой $\dot{\epsilon}^{VI.DIM}$ (=акк. $MAKUTUM$). Предложенный им перевод сархули "столб; колонна; опора" кажется нам наиболее приемлемым.

На основании данных, рассматриваемых текстов обрисовывается довольно широкий и многообразный, по социальному положе-

¹ Naumann R. Architektur Kleinasiens. — Tübingen, 1955, с.387.

нию, круг участников строительных ритуалов. В отличие от хаттских строительных ритуалов, которые исполнялись одним лицом (в одном случае, акуттара, в другом - ципипуриялале), в текстах хеттских ритуалов того же содержания упоминаются несколько участников ритуалов. Участие в указанных ритуалах не являлось их основной или единственной функцией. Большинство хаттско-хеттских строительных ритуалов встречается и в других хеттских текстах, преимущественно культово-ритуального назначения, где они упомянуты в связи с разными культовыми действиями. Примечательно также то, что ни один из исполнителей или участников того или иного строительного ритуала в другом ритуале, того же содержания, не упоминается¹. Это еще раз указывает на многообразие исследуемых ритуалов.

Боги, согласно рассматриваемым текстам, имели непосредственное отношение к строительству. В связи с этим; они "проявляли" себя на четырех уровнях:

1. Боги предопределяли строительство, руководили им, сами участвовали в воздвижении построек и, наконец, брали под свою опеку как постройку, так и строителя, т.е. царя. Там, где они упомянуты в обобщенном смысле, должно быть, подразумевается весь пантеон, включающий, по выражению самих же хеттов, "тысячу богов Хеттского царства". Упоминаются и отдельные божества, занимавшие главные места в хеттском пантеоне. Среди них божества хаттского, неситского, хуррито-месопотамского происхождения.

2. В некоторых случаях, высшая воля богов осуществлялась

¹ Исключение представляет плотник, встречающийся в текстах KUB XXIX I и KBo IV I. В последнем он назван участником строительства, относительно его ритуальных функций указаний не содержится.

через богов, выступающих посланниками верховных божеств, посредниками между богами и царем. Такими божествами были Ципипури (в KUB II 2) и обожествленный Трон (в KUB XXIX I).

3. Некоторые из богов, участвующих в строительных ритуалах, испытывали специальный интерес к постройке или к царю. Они были более участливыми, близкими, знакомыми. Такими являются обожествленный очаг (в KUB XXIX I), бог Шулинкатте (в KUB II 2) и богиня Нин-э-му-ун-ду (в KBo XV 24), понимаемые нами как личные боги.

4. Во взаимоотношениях богов с людьми, боги проявляли себя; в связи со строительством, и как пассивные участники ритуалов, как объекты жертвоприношений и других культовых действий. На данном уровне к ним могут быть приравнены объекты культа, возведенные, в ряде случаев, в ранг богов.

Если рассмотреть тексты исследуемых ритуалов с точки зрения взаимоотношений богов с царем и их отношения к объекту строительства, то наблюдается следующее:

В ритуалах, посвященных постройке дворца (KUB II 2, XXIX I), заботливость богов по отношению к личности царя и его семье, обусловлена тем, что царь представлен ставленником богов на земле (в одном случае, всех богов, в другом - бога Солнца и бога Грозы). Вручив царю царскую власть и страну, они должны были заботиться о царе, будущем обитателе строящегося дворца. Их участие в строительстве выражалось в отборе и передаче царю строительного материала. В данном случае, они выступали прототипами строителей (см. 412/2).

Согласно тексту, описывающему ритуал закладки храма (KBo IV I), царь - "господин жертвы", выступающий в качестве главного "слуги" богов, высшего жреца, воздвигал храм. Очевидно,

за эту заслугу перед богами эти последние и должны были обеспечить ему долгую жизнь, благополучие, потомство и царскую власть в стране Хатти. Они должны были заботиться о вечности храма так же, как и о вечности царя, который становился таким же дорогим богам, как и храм. Божества непосредственно участвовали в воздвижении храма. Более того, сами строили его. Следует отметить, что все три ритуала воздвижения храма посвящались не вообще строительству храма, а постройке храма конкретного божества. В одном случае (KUB IX 2), это богиня Хепат, в двух остальных, если наши предположения верны - бог Тесуп.

При многочисленности богов, упомянутых в текстах рассматриваемых ритуалов, в разных текстах повторяются лишь немногие. Они представлены в различных контекстах и не имеют одной определенной функции в ритуале. Одно и то же действие могло быть исполнено разными божествами.

Одним из важных моментов хаттско-хеттских строительных ритуалов было жертвоприношение. Об его важности можно судить уже по тому факту, что два из рассматриваемых текстов (KBo XV 24 +, KUB IX 2) не что иное, как описания жертвоприношений, совершающихся по поводу строительства.

Из пищевых продуктов, приносимых в жертву, в текстах строительных ритуалов (как в новых - KBo XV 24+, KUB IX 2, так и в хаттско-хеттской билингве - KUB II 2 и архаичном хеттском тексте - KUB XXIX I) наиболее часто упоминаются: сыр, хлеб, мед. Вместе с алкогольными напитками (вино и разные сорта пива) они, возможно, представляли традиционную жертву, употребляемую хеттами при строительстве. По разнообразию пищевых продуктов (в частности, по многообразию хлебов и зерновых культур), особо выделяется новый хеттский строительный ритуал KBo XV 24 +.

Исходя из того, каким божествам предназначался тот или иной вид животной жертвы, то наблюдается следующая иерархия: I. Племенной бык. II. Корова. III. Овца. Небезынтересно отметить, что если в древних ритуалах (KUB II 2, XXIX I) жертвуемое животное представлено именно в качестве живого существа, различая при этом вид животного в зависимости от объекта жертвоприношения, то в новых ритуалах (KBo XV 24+, KUB IX 2) акцент сделан на животное как на пищу, предназначенную для богов, указывая на части животного, которые полагалось приносить в жертву. Согласно тексту KBo XV 24+, где описана даже разделка животного, это кровь, сырое мясо, голова, ноги, грудь, лопатка, сердце, внутренности. В тексте KUB IX 2 из частей жертвенного животного выделены сухожилия.

Интерес представляет употребление металлов и металлических предметов в качестве жертвы. В новых хеттских ритуалах (KBo IV I, XV 24 +), по сравнению с хаттским (KUB II 2), растет наименование, разнообразие металлических предметов, но сокращается их вес (88 штук металлических предметов, по данным KBo IV I, весят всего 64 сикля, в то время, как общий вес 66 предметов, по данным KUB II 2, был равен 69 сиклям), что, возможно, было связано с ростом их практического назначения.

Что же касается самих металлов, то исходя из данных рассматриваемых текстов, в новых ритуалах они сами по себе приобретают самостоятельное ритуальное значение, в отличие от древних ритуалов, в которых металлы, отдельно взятые в качестве жертвы не встречаются.

Как уже отмечалось, жертвоприношения, исполняемые на наиболее важных этапах строительства, совершались, как и ритуалы, в целом, с целью обеспечить прочность постройки, а также бла-

госостояние и власть царя. В ритуалах постройки дворца возведение нового здания символизировало обновление царя и царской власти, само здание отождествлялось с его хозяином — царем. В ритуале воздвижения храма (КВо IV I) здание представлено в качестве жертвы, принесенной богам, которые должны были заботиться о царе как о "господине жертвы". В более простых, по композиции, ритуалах (КВо XV 24 +, КВВ IX 2) такое двойное назначение не прослеживается.

Из исследуемых ритуалов, три (КВВ II 2, 4I2/6, КВВ XXIX I) представляют местную, анатолийскую традицию, восходящую к хеттам, а остальные три ритуала (КВо IV I, XV 24 +, КВВ IX 2)^I, составленные в эпоху Нового царства, отражают хуррито-месопотамскую традицию, которая наибольшего влияния достигла именно в этот период истории хеттов. Кроме божеств хуррито-месопотамского круга, хурритских терминов, на связь с хуррито-месопо-

^I Неслучайным кажется тот факт, что из шести, дошедших до нас описаний строительных ритуалов, три древних (КВВ II 2, 4I2/6, КВВ XXIX I) посвящались воздвижению дворца, а три новых (КВо IV I, XV 24 +, КВВ IX 2) — строительству храма. Если вспомнить, что все три текста древних, по происхождению, ритуалов датируются эпохой Нового царства хеттов (два из них — КВВ II 2, 4I2/6 были переведены с хаттского, а один — КВВ XXIX I был переписан с древнехеттского оригинала), то естественно полагать, что они имели силу в новое время для хеттов, сохранивших, таким образом, верность древней традиции, пользующихся древними ритуалами воздвижения дворца и не создавших новых ритуалов того же содержания. Что же касается отсутствия древних ритуалов воздвижения храма, думается, это хорошо согласуется с мнением археологов о том, что святилище в Древнем царстве хеттов входило в состав дворцового комплекса (Бююккале IV 6 слой). Следовательно, можно полагать, не было необходимости в отдельном ритуале, специально

мским миром указывают отдельные магические действия, процедурные моменты жертвоприношения, состав жертвы. Однако, абсолютно сходства не обнаруживается. Эти ритуалы, хотя и составленные в Новом царстве хеттов, не могли не испытать также и влияния существовавшей здесь более древней, местной традиции. Различные элементы, как местные, так и иноземные, слившись, создали хеттский строительный ритуал. Речь может идти лишь о большем или меньшем влиянии той или иной традиции.

Несмотря на то, что все рассматриваемые хаттско-хеттские строительные ритуалы функционировали одновременно и имели, по-видимому, официальный характер, они неоднотипны. Отражающие неоднородность хеттской культуры, они не составляли единой стройной системы.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях:

1. Храмовый строительный ритуал у хеттов (КВо IV I). — Известия АН ГССР: Серия истории, археологии, этнографии и истории искусства. — Тбилиси, 1983, № I, с. 123-133.
2. Хеттский ритуал установки очага (КВВ XXIX I 37 - IV 29). — Археологические изыскания. Материалы IV и V научных сессий молодых ученых. — Тбилиси, "Мецниереба", 1985, с. 142-151 (на груз. яз.).
3. Структура и назначение хаттско-хеттских строительных ритуалов. — Тезисы докладов участников Всесоюзной научно-методической конференции. — Даугавпилс, Педагогический институт,

посвященном строительству храма. Появление таких ритуалов в эпоху Нового царства можно объяснить усилением и обособлением храмов.

1985, с.58-59.

4. Новый хеттский храмовый строительный ритуал (КВо XV 24 +).
- Археологические изыскания. Материалы VI научной сессии молодых ученых. - Тбилиси, "Мецниереба", 1986, с.133-146.
5. Персонал хаттско-хеттских строительных ритуалов. - Тезисы докладов XIII научной сессии молодых научных работников, посвященной 150-летию И.Г.Чавчавадзе. - Тбилиси, Институт истории, археологии и этнографии им. И.Джавахишвили АН ГССР, 1987, с.28 (на груз.яз.).
6. Рецензия на книгу: Alp S. Beiträge zur Erforschung des hethitischen Tempels (Kultanlagen im Lichte der Keilschrifttexte. Neue Deutungen). - Ankara , 1983. - Кавказско-ближневосточный сборник, УШ. - Тбилиси, "Мецниереба", 1988, с. 193-195.

ტატკივილი ირინე ბიბილიძე

ბათურ-ბეაური სამშენებლო რიტუალები

/რუსულ ენაზე/

თბილისის უნივერსიტეტის გამომცემლობა

თბილისი 1988

Печатных л. I,75

Учетно-издат. л. I,15

Бесплатно

Заказ 1308

Тираж 100

Типография Тбилисского университета
380028, Тбилиси, пр. И. Чавчавадзе, I.